грязно, и притомъ, что̀ особенно важно, не какъ моралистъ и обличитель, но какъ художникъ, съ способностью, какъ теперь говорятъ, „вчувствованія“ во все, тамъ ему открывающееся и поражающее его художественное воображеніе. И онъ успокаивается какъ художникъ лишь тогда, когда сознаетъ, что достигъ полнаго „вчувствованія“ и способенъ возвести въ перлъ созданія то, чему, можетъ быть, не должно бы быть и мѣста подъ солнцемъ. Души Елены Безухой и Лизы Калитиной, Клеопатры и Маріи Египетской, Плюшкина и маркиза Позы, Скупого Рыцаря и Филарета Милостиваго одинаково интересны и достойны вниманія художника, его эстетическаго „вчувствованія“, какъ и формы Венеры Милосской наравнѣ съ уродами Гойа или химерами на Соборѣ Парижской Богоматери. Направляетъ художественное вниманіе стихія таланта, а не личность. Какъ человѣкъ, художникъ невольно становится придаткомъ своего таланта, подобно пѣвцу, превращающемуся въ футляръ своего голоса. Этимъ и создается матеріалъ для религіозной драмы, развертывающейся на почвѣ внутренней коллизіи между художникомъ и личностью.

Естественная мистика природы не есть религія, хотя иногда и оказывается для нея благопріятной почвой, также и мистика искусства можетъ быть очень далека отъ религіи и даже соперничать съ ней, хотя можетъ и подчиниться ей. Мистика есть слѣпой инстинктъ религіозности, еще не осознавшей своего Логоса, не ощутившей Божества. Лишь религія вноситъ опредѣленное *что* въ темное *какъ* мистики. Только она поворачиваетъ человѣка лицомъ къ Божеству и тѣмъ пробуждаетъ въ немъ изъ стихійной мистической аморфности религіозную личность. Вотъ почему, между прочимъ, въ своей расплывчатой неопредѣленности мистика остается религіозно-абстрактной, религія же конкретна. Нѣтъ религіи вообще, а есть лишь опредѣленныя религіи, и притомъ каждая съ особымъ богоощущеніемъ, своей догматикой, культомъ. Напротивъ, мистика существуетъ только вообще, и вотъ почему многіе, такъ легко и охотно кокетничая съ мистикой, въ сущности лишь отгораживаются ею отъ религіи. Религія относится къ мистикѣ какъ высшее къ низшему, она неизбѣжно стремится ею овладѣть, введя ее въ свое русло, причемъ, въ свою очередь, и мистика легко можетъ поднять бунтъ противъ религіи во имя свободы въ своей аморфности, способна поэтому опредѣляться внѣрелигіозно, а постольку